

– ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС –

УДК 821.512.157-2 Федоров.09

DOI 10.25587/2782-6635-2023-3-5-17

Мастерство Афанасия Федорова – новеллиста

A. A. Бурцев , *M. A. Бурцева*

Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова, г. Якутск, Россия

 anatoly_burtsev44@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию рассказов А. Федорова, которым принадлежит центральное место в наследии писателя. Его жанровая система включает разные формы малой прозы: от бытовых историй до сюжетных новелл, от небольших зарисовок, этюдов очеркового характера до психологических рассказов. Мастерство автора проявилось прежде всего в создании многообразной художественной антропологии, состоящей скорее из человеческих, а не социальных типов. Поэтому в его рассказах нет характерной для социалистического реализма тенденциозности и идеологической ангажированности. Поступки персонажей получают психологическую мотивировку. Новаторством якутского писателя явилось создание инонациональных героев. В поэтике его рассказов ощущается традиция русской литературы: подобно А. Чехову, он стремился через самые простые и незначительные события повседневности показать сложность и значительность жизненных явлений. В целом логика творчества А. Федорова носила индуктивный характер: начав с малых жанров прозы, он постепенно перешел к крупным эпическим формам.

Ключевые слова: жанровая система, автобиографический персонаж, персонифицированный повествователь, инонациональные герои, «моментальные» характеры, морально-этическая проблематика, психологическая мотивировка, обрамляющий пейзаж, «открытые» финалы, индуктивная логика творчества.

Для цитирования: Бурцев А. А., Бурцева М. А. Мастерство Афанасия Федорова – новеллиста. Вопросы национальных литератур. 2023, №3 (11). С. 5–17. DOI: 10.25587/2782-6635-2023-3-5-17

The art of novelist Afanasiy Fedorov

A. A. Burtsev , *M. A. Burtseva*

M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

 anatoly_burtsev44@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the study of Afanasiy Fedorov's stories, which have a central place in the writer's heritage. His genre system includes various forms of short prose: from everyday stories to plot short stories, from small sketches, sketches of a character to psychological stories. The author's skill manifested itself primarily in the creation of a diverse artistic anthropology, consisting more of human rather than social types. Therefore, in his stories there is no tendentiousness and ideological bias characteristic of socialist realism. The characters' actions are psychologically motivated. The innovation of the Yakut writer was the creation of foreign heroes. In the poetics of his stories, the tradition of Russian literature was felt: like Anton Chekhov, he strove to show the complexity and significance of life phenomena through the simplest and most insignificant events of everyday life. On the whole, the logic of Afanasiy Fedorov's work was of an inductive nature: starting with small genres of prose, he gradually moved on to large epic forms.

Keywords: genre system, autobiographical character, personified narrator, foreign heroes, "momentary" characters, moral and ethical issues, psychological motivation, framing landscape, "open" endings, inductive logic of creativity.

For citation: Burtsev A. A., Burtseva M. A. The art of novelist Afanasiy Fedorov. Issues of National Literature. 2023. No. 3 (11). Pp. 5–17. DOI: 10.25587/2782-6635-2023-3-5-17

Введение

Афанасий Игнатьевич Федоров за свою короткую жизнь (1926–1959) успел создать более ста рассказов, три повести и несколько пьес. Кроме того, остался незаконченный роман “Волны жизни” («Олох долгуннара»), главы из которого печатались в журнале «Хотугу сулус» в 1959–1960 гг.

Хотя Н. Габышев, автор предисловия к двухтомному изданию «Избранных произведений» А. Федорова (1961–1962), сетовал тогда, что творчество писателя еще не привлекло внимание критики [1], позднее появились небольшое, но добротное исследование Е. В. Федорова [2] и ряд статей о его произведениях [1]. Н. Габышев заметил также, что логика творчества писателя носит индуктивный характер: «За десять с небольшим лет неустанной творческой деятельности он смог обратиться от рассказа к повести, от повести – к роману» [1, с. 3]. Но наиболее полно и ярко А. Федоров проявил свой талант именно в малом жанре.

Во время учебы в Вилюйском педагогическом училище А. Федоров много читал, в его письмах тех лет часто упоминаются имена А. Пушкина, Л. Толстого, М. Горького, Н. Островского, Ш. Руставели, Э. Войнич. Тогда же он начал пробовать перо. В одном из его ранних писем (от 20 декабря 1944 г.) читаем: «У меня теперь большая охота писать рассказы. Я, конечно, мечтаю быть писателем...». В другом письме более позднего периода (от 12 ноября 1956 г.) он утверждал: «Свою жизнь, каждый ее миг я посвящаю творчеству. Весь смысл моей жизни заключается в этом» [3, с. 199].

Основная часть

Образцом художника слова, непревзойденным мастером прозы А. Федоров считал А. Чехова. Его преклонение перед великим русским писателем получило косвенное отражение в повести «Полярная звезда». Любимым писателем героини этой повести, простой телятницы, был Чехов, и она постоянно повторяла: «Я его как будто видела...» («Мин кинини көрбүт курдукпун...»). В ее воображении Антон Павлович и впрямь входит в ее комнату, «молча, неслышно, словно боясь разбудить спящего ребенка», и ей кажется, что «находясь рядом с ним, стыдишься допустить даже самую толику мысли о плохом, распознаешь себя, выявляешь недостатки и хочешь беспрестанно расти и совершенствоваться» («Кини сымнаңастык, бытааннык туттар... уонна утуяа сыйтар оғону үүргүннарымаары сэрэнэр кинилии туттан... бу киирэн кэлэр. Кинини кытта сэргэ кыра да күнәбаны саныаххын, сангарыххын кыбыстаңын») [4, с. 427]. Из якутских писателей своим непосредственным учителем А. Федоров называл Н. Мордина. «У Вас учился я любить прекрасное, учился писать, с раннего детства увлекался Вашими произведениями», – писал он Амма Аччыгый.

В 1946 г. А. Федоров окончил училище и, как лучший выпускник, получил направление в Якутский педагогический институт, но болезнь помешала ему сразу продолжить образование. Зато после нескольких лет работы учителем в 1949 г. Союз писателей Якутии направил его как многообещающего писателя в Москву в Литературный институт имени М. Горького. Учился А. Федоров успешно, получал стипендию имени Л. Толстого, занимался в семинарах Е. Долматовского по поэзии, В. Катаева – по прозе. Но обострение болезни вынудило его прервать учебу и вернуться на родину.

Тем не менее московский период в жизни А. Федорова стал весьма плодотворным в творческом отношении. Наполненная оптимизмом послевоенная действительность, литературная жизнь столицы, интернациональная студенческая среда не могли не наложить отпечатка на его творчество. Автобиографический герой его рассказа «Наша сила» («Биңиги күүспүт») ощущает себя неотъемлемой частицей советского народа, его переполняет чувство гордости за Москву, столицу могучей державы: «*Разве мощный гул Москвы так просто гул? Это ведь могучий шум одновременного биения сердец всех советских народов... Москва! Москва! Ты зажигаешь сердца миллионов огнем гордости, любви и надежды!*» («Москва тингинии ныргијэр тышана көннөрү тыас диэтэбинг дуу? Ити бары советской норууттар биир санаанан тэбэр сурэхтэрин модун ныргиэрэ эбээт...Москва! Москва! Эн мөлтүүннэр сурэхтэрин киэн туттуу, таптал, эрэл уотунан уматабын») [4, с. 67].

Уже в ранних рассказах, созданных в московский период, проявилось искусство А. Федорова в создании характеров. В них появляется автобиографический повествователь, непосредственный свидетель и участник описываемых событий. При его посредничестве буквально несколькими штрихами создаются полнокровные образы. В одном из рассказов (“Странный человек”) его сосед по общежитию студент-первокурсник Боря Тимошин производил странное впечатление: был молчалив, ни с кем не общался, забывал пообедать, ночью вскакивал с постели и куда-то уходил. Однажды рассказчик последовал за ним и застал его у памятника Пушкина. Оказалось, что Тимошин испытывал муки творчества, сочиняя поэму о Пушкине, и именно в эту ночь к нему снизошло вдохновение. Когда он прочитал свою поэму, все убедились, что Тимошин хороший, талантливый человек, поэт-самородок, готовый «единого слова ради» извести «тысячи тонн словесной руды».

В рассказе “Русские люди” («Нуучча дъюно») попутчиками повествователя оказались два человека – молодой и пожилой. Молодой узнал своего школьного учителя Петра Максимовича и разговорился с ним. Он рассказал о том, что едет в Москву получать орден Трудового Красного Знамени за высокий урожай пшеницы. Узнав, что сын учителя погиб на фронте, он от чистого сердца предложил переехать к нему. Когда поезд остановился на станции, Петр Максимович решил выйти на перрон. Он надел пиджак, и оба – молодой человек и рассказчик – застыли от удивления: на его груди сияли золотая медаль «Серп и молот» и орден Ленина. Выяснилось, что Петр Максимович – знатный хлебороб, разработавший свою систему получения высокий урожая в Сибири. Обрамляющий пейзаж в рассказе – «*поля, залитые желтой краской... это спелая пшеница и рожь с налитыми тяжелыми колосьями*» («... саарчы буспут толору астаах сэлиэнинэй эбэтэр оруос бурдук муората буолан, мэндээрийэ түнхэр») [4, с. 7] – подчеркивает широту души, трудолюбие, скромность «русских людей».

Еще один рассказ – “В одном купе” («Биир купеђа»), – построенный по такой же простой сюжетной схеме, демонстрирует умение писателя создавать «моментальные» характеры. Одна из попутчиц, молодая девушка Феня, студентка театрального училища имени Щепкина, попросила разрешения завести патефон. Пожилая пассажирка Василиса Михайловна спросила, нет ли у нее пластинки с песнями Сегаловой. Феня сказала, что это ее любимая певица и поставила песню “На берегу” («Кытылга»): «*Нежный, задушевный голос певицы заполнил купе и, казалось, сквозь окно ворвалась сюда весна с пленяющей сердце соловьиной трелью и запахом роз*» («... нарынтан нарын куолас бастаан симиктик, онтон улам дыэрэйэн, уүнэр саас кэрэтин, сурэх иэйэр тапталын хохуйда. Соловей чыычаах сана кыната ситэн, күөмэйэ тобуллан, сааскы сарсыарда түннүк анныгар ыллаабытын курдук») [4, с. 161]. Когда пластинка кончилась, в купе наступила тишина, все были в восторге. У Василисы Михайловны на щеках выступил румянец. Потом рассказчик спросил: «*Изумительный голос, но почему Сегалова сейчас не поет?*» – «*Про нее я кое-что знаю, – отозвался пассажир с верхней полки. – Сегалова*

училась в Московской консерватории, во время войны она попала в плен к фашистам. Немцы хотели заставить ее петь свои песни, но девушка отказалась. Ее затерли в холодном подвале, в результате она заболела и потеряла голос. На фронте у нас было несколько пластинок Сегаловой, и мы берегли их, как боевое оружие. Бывало, перед атакой заводили патефон и не нужно было больше ни призывов, ни команд. Когда в роте узнали, как фашисты мучили мужественную певицу, все поклялись отомстить им за ее прекрасный голос...» [4]. На очередной станции Василиса Михайловна, попрощавшись с пассажирами, вышла. Только потом они узнали у проводника, что это была Сегалова.

В этих и в ряде других рассказов и очерков А. Федорова отразилось эхо недавно прошедшей войны. Персонифицированный повествователь в своем дневнике описал эпизоды своего отдыха в санатории в Башкирии. Там он познакомился с Изатулой, студентом Самаркандинского университета, очень веселым, общительным молодым человеком, который гордился древней культурой народов Средней Азии, рассказывал о выдающихся ученых и поэтах – Авиценне, Улугбеке, А. Навои. Среди отдыхающих была всегда печальная девушка болезненного вида с «холодными темно-серыми глазами» («тымыны болоорхой харахтаах»), появлявшаяся в сопровождении пожилого человека в офицерской форме. Она не понравилась повествователю, хотя Изатула рассказал ему трагическую историю девушки: в восемь лет ее вместе с матерью фашисты угнали в Германию, там мать погибла в лагере, а ее, едва живую, после войны разыскал отец и привез на родину. Оказалось, что Изатула ее любит, а она, вся больная, не хочет быть ему обузой («Из дневника»).

Великая Отечественная война и преемственность поколений нашли отражение в небольшом рассказе «Памятный день» («Үтүө күн»), в котором великолепно передано нескрываемое волнение юной московской школьницы, вступающей в комсомол. Ее отец погиб в 1945 г. под Кенигсбергом, дед, потомственный рабочий, устанавливавший Советскую власть, пришел поздравить внучку с этим событием.

Военная тематика присутствует и в цикле зарубежных рассказов А. Федорова. В рассказе «Русский язык» («Нуучча тыла») студент-венгр Геза поведал автору историю своей семьи. Когда ему было двенадцать лет, Венгрия была оккупирована фашистами. Отец погиб в шахте во время обвала, мать еле пережила его гибель. Сестра Агния, которой было девятнадцать лет, состояла в антифашистском подполье. Однажды она принесла газету «Правда», русско-венгерский словарь и сказала, что будет изучать русский язык, чтобы к приходу советских войск, научиться говорить по-русски. Геза тоже стал изучать русский язык. Агния через несколько месяцев уже читала Пушкина и Толстого и даже знала русские песни. Но подпольную организацию раскрыли, и за ней пришли полицейские. Обнаружив словарь и томики Пушкина и Толстого, они грозно спросили Агию: «Ты изучаешь русский язык?». Она громко заявила: «Да, изучаю!» и запела гимн Советского Союза. В рассказе «Друзья» («Доботтор») повествуется о дружбе советских и румынских студентов. Во время войны одного из них, Симона, фашисты бросили в застенки, а на спине его старого отца вырезали пятиконечную звезду.

В целом ряде рассказов якутский писатель откликнулся на международные события, в частности такие, как корейская война 1950–1953 гг. Тогда СССР, а также КНР оказывали военную помощь Северной Корее, а США и их союзники поддерживали Южную Корею. Как стало известно в последнее время, среди советских военных советников и специалистов, сражавшихся на стороне Северной Кореи, были и якуты. Это обстоятельство нашло отражение в сюжете рассказа «Солдатский подарок» («Саллаат бэлээ»). Тяжело раненный солдат-якут перед смертью подарил своему другу Ги Юну хомус. Позднее Ги Юн приехал учиться в Москву, познакомился с якутской студенткой Надей и в знак своих чувств подарил ей эту дорогую для него реликвию: «Надя поднесла инструмент ко рту и по парку поплыли тихие, задушевные звуки, полные грусти... Ги Юну показалось, что она вдруг нежно коснулась пальцами его сердце и оно запело, заиграло невидимыми струнами свою единственную неповторимую мелодию» («Хомус тыана

иэйэн-туйан, уол этин сааынан инэн киирэн, сурэбин билииргэ дылы буолла. Хомус буолбатах, харана салгынга биллибэт струналар тардыллыбыттарыгар сурэх ыраас бабарыыта оонньууругар дылы...») [4, с. 73].

В рассказе “За мир” («Эй э иинн») раскрываются черты корейского национального характера. У студента из Кореи Ман Ира во время войны погибла подруга Пей Сю. Он просит своего якутского друга Семена никому не говорить о его потере: «Я не люблю, когда меня жалеют. Не надо ничего говорить. Я даже тебе не хотел говорить о Пей Сю. Боялся, ты начнешь жалеть меня». Теперь Ман Ир стремится вернуться домой, чтобы защищать родину. Семен рассказывает ему о своем народе, о гибели отца в Отечественную войну и говорит: «Борьба за родину не обходится без жертв» [4].

Необыкновенное мужество демонстрирует восьмилетний мальчик Иль Ир, герой рассказа ”Возле храма”. Во время американской оккупации Кореи его отец и старший брат погибли. Он с матерью и еще одной женщиной спрятались в буддийском храме. У них два дня не было ни крошки во рту. Когда мать протянула Иль Иру последнюю рисовую лепешку, он заявил: «Я голоден, но не буду есть, потому что мужчина, как говорил мой отец, должен прикоснуться к еде только после женщины» [4, с. 82]. Увидев, что в храм ворвались американцы, мать спрятала сына в темном углу и прикрыла старой одеждой. Один из них приказал женщинам выйти из храма и спросил: «Есть ли тут мужчины?». Тогда Иль Ир вскочил и воскликнул: «Я мужчина, как мой отец! Вы его убили!» [4, с. 83].

Тема войны естественно переплетается с пафосом мира. Героиня рассказа “Первое слово” («Мангайы тыл») Ден Су впервые после войны встретила утро нового дня песней. Ее восьмилетний сын Хва поступил в школу, а сама она устроилась в эту школу уборщицей. Ее муж погиб два года назад. Уходя на войну, он сказал жене, если не вернется, пусть она позаботится о том, чтобы Хва обязательно учился, овладел русским языком, который «принес им мир и свободу» («ңүүчча тыла биниэхэ эйэни, көңгүлү абалбыта»). Ден Су сама тоже учится, и первое слово, которое мать и сын узнали на русском языке, было «мир» («эйэ»). В рассказе “Твое дитя” («Эн обон») маленькая якутская девочка Ира, только что познакомившаяся с буквами, участвует в ответственном деле – она выводит имя отца под возванием Всемирного Совета о мире. Ира хорошо знает, что такое война: фашисты убили ее старшую сестру Катю, а отца тяжело ранили.

А. Федоров одним из первых ввел в якутскую литературу инонациональных героев. Впрочем, и до него в произведениях якутских писателей встречались представители других наций. Но персонажи Эрилик Эристина от еврея-анархиста Мейера Едлина до командира партизанского отряда татарина Марьиса Искандерова (“Молодежь Марыкчана”), от «сынов революции» казахов Абдуркуллы и Мундербека до героев повести “Волнение” бурятов Бурхалея и Эрбантея, – все же были соотечественниками, а японцы Камомура и Ситояма из повести Н. Якутского “Золотой ручей” были снабжены сугубо отрицательной характеристикой.

Действие нескольких рассказов происходит в зарубежных странах. Так, в одном из них писатель воспроизвел тяжелую подневольную жизнь пакистанских тружеников, жестокие нравы, царившие в этой отсталой стране («Джаган»). Но даже в таких невыносимых условиях находится место для любви бедного ватти (батрака) Джагана и прекрасной Амны. Автор подробно и очень поэтично описал их первую встречу и развитие чувства юноши: «Сердце вздрогнуло у Джагана, а лицо залila горячая краска. Ему бы убежать куда-нибудь... Но ноги будто вросли в землю, и он не мог отвести взора от лица девушки, такого нежного и приветливого, от ее синих глаз – ласковых и в то же время обжигающих, чуть затененных длинными, пушистыми ресницами...» («Джаган сирэйэ итийбэхтээтэ, сурээ күүсүэ тэптэ. Кини кыыс обо номоён сирэйттэн, уүн кыламаннарын быынан сылаас-сылаастык чапчылыччы көрбүт чаалай куөх харагтарыттан... харагтарын араарбакка турда») [4, с. 208]. С этого дня все вокруг изменилось для Джагана. Как будто мир весь посветлел, повеселел... Все говорило только

о ней. По ночам он не мог заснуть. И чуть закроет веки – перед ним встает тонкое девичье лицо, в ушах звенит нежный голос... Кто же она, эта удивительная, прекрасная девушка? («Ити күнтэн ыла Джаган хараңар аан дойду киэлтэ ularыйда, сэргэхсийдэ... От-мас, кыс обо кэрэ бэйэтин эмэс саңа корон, чумпуран инийбит курдук. Аланьа утуйбакка, уол түүн бэрт өргө диери эргичнинир, урут билбэтэх диринг иэшилэрэ туөнгөрөр көмүөлүү кутуллаллар... Хантан кэлбитэ буолой ити нарыын-нарын учугэйкээн кысы?») [4, с. 185]. Но им не суждено было узнать счастье. Родной дядя выдал Амну за богатого старика, тот сначала сделал ее рабыней, а через несколько лет продал в дом терпимости. Джаган сорвал в саду своего хозяина несколько ананасов для больного друга, за это он был арестован и заточен в лахорскую тюрьму. Там его пытали, обвинив в симпатиях к России и революционной агитации. Последняя встреча героев произошла, когда через два года Джагана и других узников освободил народ, и они продолжили борьбу за свободу. Амана, которой было всего девятнадцать лет, выглядела как старуха, и только на ее «изможденном лице горели еще не потерявшие прелести синие глаза» («кини чаалай күххарахтарыгар сор-мунг толбоно көстөр») [4, с. 198].

Сюжет рассказа “Красный флаг” («Кыныл былаах») связан с подготовкой агрессии против Советского Азербайджана. Население приграничного района заставляют тайно по ночам прокладывать дорогу и строить склады для оружия. Многие не выдерживают, валятся с ног, мертвых оттаскивают в сторону. Драматизм повествования усиливается посредством одушевления природных образов: казалось, «горы стонут, вздыхают вместе с людьми» («хайалар дьону кытта ынчыктаар, уюутаар курдуктар»). Молодая азербайджанка Зарифе каждое утро поднимается на гору, чтобы увидеть, как на севере «трепещет на ветру крошечный, величиной с птичий язык красный флаг» («онно кыныл былаах, чычаах тылын саба буолан, тылыбырайа мөхсөр»). Ее брата Ата, боровшегося за свободу азербайджанцев, живущих в Иране, читавшего Низами, Навои и книги русских писателей, бросили в тюрьму. Ее старую мать Санабуру убили за то, что она не разрешала разрушать дом, через который должна была пройти новая дорога. Несмотря на скорбь, мужественная Зарифе зовет соотечественников на борьбу, и казалось, «кавказские горы, надев свои белые шапки, застыли в величественной позе, и только их остроконечные утесы, как пики, грозно блестели на солнце» («Кавказ хайалара, урун бэргэнэлэрин кэтэн, ийн тураллар, кинилэр уюн синнигэс анылара, ўөрбэ буолан, күн уотугар сыйытык килбэнэлэр»). В ответ на призыв Зарифе «с гор, из оврагов и саклей начали стекаться люди... Вперед! – отозвались горные вершины. – Не бойтесь! – вторили овраги» («хайалар үрдүлэриттэн, хаспахтар, саклялар истэриттэн сүүнэн куолас ныргийдэ. Хайалардын, хаспахтардын бары бишрэгэ кэkkэлээн ээр курдуктар») [4, с. 92, 93, 94].

Большинство рассказов А. Федорова посвящены жизни родной республики, самоотверженному труду советских людей. В них нет характерной для социалистического реализма откровенной тенденциозности и идеологической ангажированности. Н. Мординов так отзывался о сборнике “Трактовая дорога” («Айан аартыга», 1957): «Сила книги в том, что рассказы, помещенные в ней, взяты из живой сегодняшней действительности нашего народа. А. Федоров изображает жизнь в движении, в развитии, в борьбе; его произведения – картины живой жизни, живых людей с их достоинствами и недостатками» [5, с. 305].

Уже в первом рассказе молодого писателя ”Огородница” («Обуурут үлэнитэ») отразился трудовой энтузиазм простых колхозников. О трудовых достижениях сельских жителей говорится и в рассказах «Даайа», «На восходе» («Күн тахсыыта»), «По зову сердца» («Бэйэ тыла»), «Стремление» («Дыгуулур»). В них получили воплощение скорее человеческие, а не социальные типы. В “Огороднице” молодая девушка Шура, бригадир огородной бригады, узнав, что ожидаются заморозки, вместе со своими работниками всю ночь топила печки в теплицах, разводила костры вокруг огорода. В какой-то момент

силы ей изменили, она уронила вязанку дров, опустилась на холодную землю и беззвучно заплакала. Автор умело использовал прием олицетворения: Шуре «показалось, что огородные растения «протягивают» к ней свои зеленые листья и умоляют защищить от этого безбрежного, без единого облачка неба, готового «поглотить» их, и от холодного обжигающего ветра...» («Обуруут аха ыраахха диэри нэлэнийэн сыйтар уонна күөх ытыстарынан» уунан, саната суюх көмө көрдүүргэ, ааттаңарга дылы. Халлаан кылбаччы ырааныран, субу таңнары сатылаан, Шура обуруутун айын барытын мэгиэстэн кэбинэххэ айылаах...») [4, с. 17]. Но ее поддержали члены бригады, и совместными усилиями они спасли будущий урожай.

Героиня рассказа «Даайа» вяжет снопы быстрее всех и тем самым хочет обратить на себя внимание Ивана, который работает на жнейке. У него «глаза черные-черные, волосы кудрявые» («кини хараңа хап-хара, баттаңа будьурхай») [4, с. 107]. Даайа все ждет, что Иван, проезжая мимо, улыбнется ей или скажет что-то приятное. Но он улыбается и шутит с другими девушками. Потом к ним присоединилась городская барышня Тамара, которая тоже очень ловко и быстро вязала снопы. Она постоянно подтрунивала над Иваном, а в работе не отставала от Даайи. Но в конце концов Тамара признала свое поражение, а Иван, у которого «глаза черные-черные, волосы кудрявые», стал чаще улыбаться и ласково смотреть на Даайи.

В рассказе “На восходе” все выпускники школы поехали поступать в институты, только одна Маргарита осталась работать свинаркой в колхозе. Ее отец, участник войны Никанор говорит: «Нет работы хорошей или плохой. Это работники бывают плохие и хорошие». Одноклассник Маргариты Спартак, который поступил в консерваторию в Новосибирске, агитирует ее оставить колхоз и учиться. Но она после первых неудач внедрила новый метод выращивания свиней, стала участницей Выставки достижений народного хозяйства (ВДНХ) и собирается заочно учиться на зоотехника.

Молодой охотник Арсен из рассказа “По зову сердца”, когда на ферме не стало хватать доярок, на комсомольском собрании предложил послать туда парней. Инициатива, как всегда, оказалась наказуемой, и ему самому предложили показать пример. Арсен согласился, хотя его девушке Лане это не понравилось. На первых порах дело у него не ладилось, как и у Маргариты. Но он тоже творчески подошел к работе, установил новый график кормления коров, особенно в летнюю жару, и добился успеха. Отец Ланы не хотел выдавать ее за Арсена, «коровьего прихвостня», но она проявила характер, стала жить отдельно от родителей, и теперь вечерами они вместе доили коров.

В рассказе “Стремление” молодой бригадир Ефим Токосов без разрешения властей проявил инициативу и в засуху решил построить плотину, чтобы оросить луга. Люди его поддержали, но дважды быстрое течение реки прорывало плотину. Тем временем Токосова вызвали вправление колхоза и категорически запретили продолжать строительство, а самого решили снять с должности бригадира. Но когда под вечер он вернулся на свой участок, то увидел, что плотина была почти завершена. Вскоре вода хлынула по новому руслу на колхозные поля.

В этих рассказах А. Федоров дает своим героям личностную характеристику, раскрывает их человеческие качества, а не создает традиционные для советской литературы образы передовиков производства. Автор психологически мотивирует поступки своих персонажей, передает их внутренние переживания. Он умеет изображать психологические состояния людей разных возрастов, начиная с детей и кончая стариками. При этом чувства детей и молодежи носят преимущественно позитивный характер, тогда как настроения пожилых героев проникнуты печалью и ностальгией.

В рассказе “Утро” («Сарсыарда») показана радость мальчика Комы, который в первый раз идет в школу, и радость его родителей, гордых за своего сына. Радость и счастье испытывают молодые герои рассказов “Радость” («Үөрүү»), “Я счастлив” («Мин дъоллоохпун»).

В “Рассказе студента” («Студент кэпсээн») сначала от лица автора раскрывается психология ребенка, оставшегося круглым сиротой. После смерти матери окружающий его мир внезапно преобразился: «внутри балагана ... стало трудно дышать», Антону показалось, что «крыша и стены вот-вот обрушатся на него» («Дыэ ин түүппэйирэн, кини тыына-быара ыгыллар. Антон санаатыгар дыяэ үрдэ, эркиннэрэ умурас гынан, кинини баттыых курдуктар»). Он «не выдержал, выбежал наружу, куда-то побежсал, в его глазах потемнело, сердце гулко застучало... окружающий балаган лес будто тихо-тихо вздыхал» («Кини тулуйбата. Таңырдья муччү көтөн таңыста, мээнэ сүүрэн инэн, тохтуу биэрдэ. Хараңа ирим-дьирим буолбахтаата, сүрээ тинг-тинг тэнтэ») [4, с. 12]. Во второй части рассказа уже от имени самого студента Антона, случайно встретившего свою сестру Маню, передается его состояние: «Внезапно что-то мелькнуло в моем сознании... Исчезла какая-то завеса, и вспомнилось детство... Маня?.. Неужели она?.. Нет, не может быть?!. В моих глазах окружающий лес, поле как в тумане... Маня! Маня! Сестренка... Ничего больше я не смог сказать» («Эмискэ өйбөр туюх эрэ кулум гынрага дылы гынна... Туюх эрэ хахха сыңарыс гынан, ою кэмим өйбөр арылынна. Маня?.. Ама, кини буолуу дуо? Суох, кэбис... Мин харахпар күөх хонуу, тыа долгулдуңа түүхээт, хайдах эрэ хойцу туман курдук силинэн, күөгэс гыннылар... Маня! Маня! Эдьиэй... – итинтэн атыны тууга да кыайан булан эппэтий») [4, с. 97–98].

Чувство страха, испытанное первоклассником Ромой, детально раскрыто в рассказе “Данное слово” («Бэриллибит тыл»), ситуация которого напоминает коллизию новеллы Суорун Омolloона «Чечески». Мальчик получил задание передать отцу срочное письмо из правления колхоза, но по пути домой заигрался с друзьями и потерял его. Вечером он вспомнил про письмо, но в сумке его не оказалось. Рома решил вернуться и поискать письмо, но было уже темно. Тем не менее ночью, когда все уснули, он вышел на улицу. Ему было страшно, так как путь лежал мимо старых могил и заброшенных жилищ. Мальчику казалось, что «... кто-то за ним крадется и вот-вот накинется на него»: «Санаатыгар, кэнниттэн туюх эрэ ўмэн киниэхэ саба түүхээри гынраг...» [4, с. 36]. Когда он проходил мимо кладбища, внезапно раздался душераздирающий хохот: «Hy – hy – hy!». Хотя Рома догадался, что это крик филина, от неожиданности «его сердце готово было вырваться из груди, в висках сильно застучало» («Кини сүрээ күүскэ тэбиэлээтэ, икки чабырдайа итийбэхтээн ыгыта тутта») [4, с. 37]. Потом он вспомнил историю мальчика десяти лет, который погиб, но не выдал фашистам своего отца-партизана, и бесстрашно продолжил путь. Ему удалось найти письмо и благополучно вернуться домой.

Неподдельное мужество демонстрирует во время охоты на медведя подросток Сеня. В отличие от своего дяди Нифонта, который любил рассказывать о своих охотничих подвигах, он не растерялся, когда матерый зверь выскоцил из берлоги и набросился на его отца Матвея. Тот резким движением всунул ему в рот руку вместе с рукавицей. Сеня быстро вскинул ружье, взвел оба курка и выстрелил с обоих стволов. Медведь с ревом уткнулся головой в снег. Только тогда Нифонт показался из-за груды валежника и, подойдя к распростертому на снегу медведю, заявил: «Ловко я его уложил – прямо в лоб». «Уж молчал бы ты, горе-охотник. Это Сеня попал в лоб медведю», – поправил его Матвей («Охота» – «Булт»).

Рассказы “Новый дом” («Санга дыиэ»), “Новая земля” («Санга сир»), “На восходе” («Күн тахсыыта»), “Искры” («Кызыннар»), “Он” («Кини»), «Даайа» проникнуты молодым задором, светлыми чувствами, жаждой любви, оптимистическим пафосом. По общему мнению, одним из лучших рассказов А. Федорова является “Долгожданный вечер” («Кэтээниилээх киэхэ»), посвященный жизни сельской молодежи. Хотя каждый из героев изображен как прекрасный работник, писателя интересуют не столько их трудовые достижения, сколько человеческие качества. Их личностные взаимоотношения раскрываются на фоне весенней природы: «Раннюю весну мне почему-то хочется сравнить с подснежником – столько в ней скромного, нежного, необъяснимо-прелестного...

Ветви деревьев разбухают, становятся мягкими, почти пыжатся – вот-вот лопнут. Жадная земля, вдосталь напившись воды, нежится в тепле... И все вокруг пахнет свежестью, все улыбается, сверкает. Душа полнится какими-то неясными чувствами, словно кто позвал куда-то...» («Саас кэлийтэ сир-дойду барыта, сана быкыт ныргуунун курдук, нарын-намчы буолар... Лабаалар сымнаан, дыгдаан, субу тыллан тахсаары торолуун аххан тураллар. Хара сир, ууну тото иңэн, сымнаабыт... Сир сииктээх сыта туунүар, тула мичинниир, кулумнүүр. Туюхха эрэ ынгырап, угуйар...») [4, с. 318]. С самого начала в рассказе ощущается голос и проясняется позиция автора-повествователя. Ветеринар Костя любит телятницу Катерину, она же симпатизирует шоферу Гаю, недавно приехавшему из города. Костя и Гай каждый по-своему воспринимают Катерину. В глазах Кости она «свежа, как только что распустившийся цветок» и напоминает «стройную березку», у нее «глаза черные, обжигающие», «он не находит слов, чтобы описать ее... Она нравится ему с каждым днем все больше и больше. И никто не может сказать, волшебная ли кисть природы своими стараниями так приукрасила Катерину, или только в его глазах становится она все лучше и лучше» («...сыыга тарптын курдук, көнө имигэс ундохтаах, уоттаабынан дөвлүтээбит, хайдах курдук кының? Костя көрдөбүн айы, Кэтириис ордук учүгэй, сатаан этиллибэт кэрэ буолан иңэр. Күн айы ордук түпсарга дылы. Эбэтэр айылда аптаах киистэтинэн, мэлдүй кичэйэн, ситетэрэн-хоторон иңэр дуу?») [4, с. 322]. Однажды Катерина молча, пристально и ласково посмотрела на него, и в этот миг ему захотелось прошептать сокровенное, фаустовское: «Остановись, мгновенье! Ты прекрасно!». В отличие от скромного, немногословного Кости, веселый, общительный Гай быстро стал первым парнем на селе. Впервые увидев Катерину, он окинул ее «оценивающим взглядом с ног до головы», обратил внимание на «ее белые, словно лебединые крылья, руки, точеную, тонкую шею» и подумал про себя: «А она ничего» («Кының атабыттан төбөтүгээр диэри өрө көрдө... Гай кыыс куба дабыдалын курдук урун харыларын, чочуламмыкка дылы күөкэйбит мооннүүн көрө-көрө бэйтигэр «ничего кыыс» – дии санаата») [4, с. 320]. Повествователь явно сочувствует Косте, который питает к Катерине искреннее чувство, Гаю же она просто нравится. Подавленное состояние Кости после объяснения с любимой автор передает посредством системы художественных деталей: «Где-то рядом тоскливо куковала кукушка... Высоко-высоко пролетел потерявший свою стаю одинокий журавль, огласив небо своим скорбным криком...» («Чугас, хаппым мас чытчаал мутугар, кээз күөмэйин онгосто-онгосто... этэн чоргутар... Кый урдугунэн уөрүн сутэрбит туруйга тулаайахсыбыт куоланынан энэлгэннээхтик турууктаан ааһар...») [4, с. 325]. Рассказ имеет открытый финал: «Грустно, очень грустно стало Косте. Из головы у него не выходили черные глаза Катерины...» («Костя олус туюхханыйда, хайын да булбата. Кэтириис ылас-хара харахтара өйүттэн арахпаттар, бииргэм субу кинини курдаттыы көрөргө дылылар...») [4, с. 325].

В малой прозе А. Федорова широко представлена морально-этическая проблематика. Писателю претили проявления мещанства, лицемерия, эгоизма, авторитарной морали. Не случайно в одном из писем В. Гольдерову он утверждал, что «настоящее искусство не должно игнорировать недостатки жизни и ограничиваться лишь изображением ее положительных сторон»: «Андарас учугэйи эрэ көрдөөн, куңаңы, итэбэхи тумна-тумна, наар киэрэгэтэн, кырааскалаан көрдөрөр искусство, ама, дынгнээх искусство аатырыа дуо?» [3, с. 201]. Например, в рассказе «Печник» («Онохчут») супруга небольшого начальника Фекла Сергеевна демонстрирует мещанско высокомерие по отношению к простому рабочему Захару, когда он клал печь в их доме. Под стать ей сынок Коля, презирающий «пыльную работу», но он дружит с дочерью печника Соней. В разговоре с подругой Фекла Сергеевна заочно хвалит ее, называет «хорошенькой девочкой», «отличницей», правда, оговаривается, что ее родители «какие-то темные люди» («биир учугэйкээн кының кытта добордоюр, уөрэбэр отличница уңы... Арай дьоно ханнык эрэ

харана дьон үүлэр») [4, с. 157]. Однажды Соня повела отца в театр, и там произошла их встреча с Феклой Сергеевной. Захар был в новом костюме, и сначала она не узнала его. Но когда Коля познакомил их, произошла немая сцена почти по Гоголю. Не случайно спектакль был по «Ревизору». Е. В. Федоров сравнил ситуацию рассказа "Печник" с фольклорной историей, когда бедного человека в лохмотьях в доме богача не позвали к столу, а когда он предстал в нарядном одеянии, наперебой стали потчевать изысканными яствами [2, с. 75].

В крайне иронической интерпретации предстает Роман, герой рассказа "Желтый цвет" («Саархай өн»). На первый взгляд, он вполне благополучный человек: по профессии бухгалтер, жена Люба учительница, у них трое детей. Как-то осенью, в сентябре, когда кроны деревьев пожелтели, цветы завяли, Роман собрался на курорт. Перед отъездом он подарил жене шелковую ткань желтого цвета, которая ей не понравилась. Вскоре Люба получила известие, что ее муж «тяжело заболел», через несколько дней последовала телеграмма о том, что он скоропостижно «умер». На самом деле Роман завел «курортный роман» и решил оставить семью. Через два года Любे удалось поехать в Крым. Там однажды, проходя мимо большой черной машины, она услышала знакомый голос. Тут же из нее выбрались живой, здоровый Роман вместе с девицей в желтом платье. Люба почувствовала, что «проваливается в какой-то желтовато-серый туман» («Люба саархай долгунга умсан эрэргэ дылы») [4, с. 300]. Очнулась она в больнице и буквально на другой день улетела домой. Желтый цвет стал для нее цветом измены.

Проблему отцов и детей писатель ставит в рассказе "Сыновья" («Төрөлүүт уолаттара»). У старой Матрены два сына – Прокопий и Павел. Ее муж рано умер, поэтому она одна поднимала сыновей. Дать образование удалось только Прокопию, теперь он занимает ответственную должность в городе. Матрена живет в деревне вместе с Павлом, у него четверо детей, работает он один. Семья испытывает нужду, у детей нет приличной одежды, игрушек. Прокопий давно забыл о брате и матери. Повествователь сочувствует Матрене, страдающей из-за разлада между сыновьями. Она решает съездить в город, но сталкивается с холодным приемом. Невестка Капа встретила Матрену весьма сухо, выразила недовольство гостинцем, запретила ей прикасаться к внуку, который назвал ее «бабой-ягой». К тому же по пути в город она простудилась и попала в больницу. Матрену никто не навещал, пока не приехал Павел, узнав о ее болезни. На последние деньги она велела купить внукам мячик в подарок и в качестве завещания попросила Павла не ссориться с братом, который, может быть, поможет получить образование его детям.

В рассказе "Пот пролитый, что золото" («Көмүс көлөһүн») возникает традиционная дилемма – любовь или долг, чувство или разум. Бухгалтер Леонид ведет учет каждой трудовой копейки, заработанной колхозниками в поте лица. А пот этот, что золото! Он собирается жениться на доярке Лизе, и они уже строят планы на будущее. Подсчитывая колхозные доходы, Леонид обнаружил, что уже несколько лет не приносит прибыли коневодческая бригада, которой руководил Яков, отец Лизы. Только за последний год у двадцати кобыл случились выкидыши. По мнению ветеринара, это происходило из-за неправильного ухода: осенью, как только начинались заморозки, лошадей загоняли в огороженные луга, чтобы они в поисках корма не провалились бы под лед. Там трава уже была сухая, жухлая, к тому же пастища насквозь продувались холодными ветрами. Лошади голодали, мерзли, и в результате происходили выкидыши. Леонид предложил поставить вопрос на общем собрании. Лиза попыталась уговорить его не докладывать о понесенных убытках, пожалеть отца, но он заявил, что не может пойти против своей совести. Она тоже сказала, что не предаст своего отца, который один вырастил ее и ни в чем не отказывал, а вчера он заплакал от бессилия. Кто из них прав – Леонид с его этической позицией или Лиза с ее человеческой моралью – вопрос остался открытым.

Глубоким психологизмом проникнут рассказ "Я не забуду тебя, Уренча!" («Умнубаппын. Эвенки сэхэнэ»), построенный как исповедь старого эвенка. На склоне лет герой

вспоминает историю своей трагической любви. В молодости он жил и охотился на берегах Индигирки. Однажды охотник с высокой горы увидел у реки урасу, покрытую шкурами белых оленей. Около нее стояла стройная девушка со шкурой голубого песца в руках. Здесь жили Уренча со своим старым отцом. Они приветливо встретили гостя, угостили его жирным оленым мясом. На стене урасы висели песцовье шкуры. «Дочки моей, Уренчи, добыча. Она охотница!», – гордо сказал отец. Во время летнего праздника эвенков герой снова встретил Уренчу, танцевал с ней «сээдэй», любовался ее плавной походкой, черными глазами. В тот год была удачная охота, и он разложил около своей урасы много лисьих, песцовых, беличьих шкур. У Уренчи тоже было много добычи, и, решив впредь охотиться сообща, они сложили свою пушнину в одну кучу, которая оказалась намного больше, чем у других охотников. Тут к берегу пристала шхуна, и с нее сошли американские купцы. Хозяева любезно встретили их, угостили национальными яствами. Потом американцы угостили эвенков «огненной водой». Что произошло дальше, охотник не помнил. На другое утро выяснилось, что купцы забрали за свое «угощение» всю пушнину. Обманутые эвенки устроили погоню за ними, догнали их и потребовали вернуть меха. Дело дошло до стрельбы. Храбрая Уренча тоже участвовала в погоне и сражалась рядом с мужчинами. Многие эвенки тогда погибли, среди них была и Уренча. Рассказ старого охотника сопровождается картинами и образами природы. «Каждую весну я поднимаюсь на скалу, что возвышается над Индигиркой, – говорит он. – Там лучшие вспоминаются далекие, невозвратные годы. В поднебесы с громким, протяжным курлыканем летят журавли. А мне кажется, что это ты, Уренча, подаешь свой нежный, воркующий голос. В сверкающих бликах безоблачного дня видится милое, дорогое лицо твое, Уренча. На берегах реки уже зазеленели травы и ягельники. А мне представляется, что это ты раскинула там нарядные одежды, которые надевала на праздники... Уренча, подруга моя! Сколько я должен был сказать тебе и не успел...» («Саас Индигир өрүүл көмүүл мууңун үлтү сыннын, үрүн күүгэннэринэн ынаахтанан, куруулүү үүннанаңына, мин туруук тааска тахсаммын эн биңкүү эдэр обо сааспытын эргитэ саныбын. Кый халлаан кырсынан кыталык үөрэ кырыымпалы ыллаан аастаңына, эн кэрэ чуор куоласкын саныбын. Үрүн күн күлумурдуу тыктаңына, эн сарданалаах мичээрдээх ыраас сирэйгин көрөр курдукпун. Лабыкта, намчы от Индигир кытылын бүрүйдэбүнэ, ийэ сирим ньюурун эн симэхтээх таңаскар ханылыы көрөбүн... Урэнчэ, мин күндү доборум! Эйиэхэ элбээди да эппэтэхпин...») [4, с. 174].

Как известно, у А. Федорова, пожалуй, в большей степени, чем у Н. Габышева, были причины предъявить претензии к существующему режиму. Но едва ли не единственный случай протеста, да и то в косвенной форме, имел место в рассказе "Без вести" («Сураба суюх»). Герой рассказа Наум Петрович, шестидесятилетний мужчина, приехал в родные края спустя тридцать лет. Он хотел остановиться у брата, но тот, как оказалось, умер три года назад. Водитель, который его привез, предложил переночевать у него. Его пожилая мать узнала Наума Петровича, это была Маайыс, с которой в молодости он тайно встречался. Когда уезжал в город, она его провожала. Наум Петрович стал работать надзирателем в тюрьме. Маайыс, не дождавшись его, вышла замуж за председателя ревкома Никиту Оготоева. Потом его реабилитировали и заточили в тюрьму. Когда Маайыс с маленьkim ребенком на руках пришла повидаться с мужем, Наум Петрович прогнал ее. Так он «самоутверждался, демонстрируя свою власть над беззащитными людьми» («Кини бардамсыйарын, дьону ыгарын-түүгрэрин таптыр этэ. Дьон күттаммыт сирэйин көрөрүттэн күүстээх курдук сананара») [4, с. 337]. Оготоев умер в тюрьме, впоследствии он был реабилитирован. Теперь, узнав Маайыс, Наум Петрович предпочел трусливо ретироваться. Ночь он провел на кладбище, рядом с памятником Никите Павловичу Оготоеву, «одному из славных сыновей народа саха, боровшемуся за установление Советской власти в Якутии» («Саха сиригэр Советской былаас кыайарын ичин охсуспум саха биир чулуу уолугар») [4, с. 337].

В рассказах А. Федорова последних лет жизни углубилось его искусство создания художественных образов. В поле его зрения находились не яркие, исключительные характеры, а, напротив, простые, заурядные люди, изображенные в обычных, естественных условиях. Его герои не вырваны из потока жизни, наоборот, они зафиксированы в процессе каждого дня бытия. То есть, специфической особенностью творческого метода писателя явилось стремление через самые простые и незначительные события повседневности показать сложность и значительность жизни.

Этой принципиальной установке подчинены структурно-композиционные элементы его рассказов, которые фактически лишены таких традиционных атрибутов, как экспозиция и развязка. Отличительной чертой композиции рассказов якутского писателя, типологически связанной с малой прозой Чехова, является также «сюжетно-фабульная незавершенность при законченности идеейной авторской концепции» [7, с. 10]. Речь идет о так называемых «открытых финалах», характерных для таких рассказов, как «Пот пролитый, что золото», «По зову сердца», «Долгожданный вечер», «Стремление», «Сыновья», «Без вести» и др.

Заключение

А. Федоров зарекомендовал себя как большой мастер малой прозы. В его жанровой системе представлены разные формы: от бытовых историй до сюжетных новелл, от небольших зарисовок, этюдов очеркового характера до психологических рассказов. В них «проявилась не только тонкая наблюдательность и умение художественно обобщать явления действительности в виде живых человеческих характеров и реальных картин, но и стремление к лаконичности в изображении людей и фактов жизни» [6, с. 115].

Эволюция А. Федорова как художника слова во многом идентична логике творчества Н. Мордина или Софр. Данилова: начав с малых жанров прозы, он постепенно перешел к крупным эпическим формам – повестям и роману. Но трагическая судьба и тяжелая болезнь не позволили ему полностью реализовать огромный талант.

Л и т е р а т у р а

- Габышев, Н. А. А. Федоров / Федоров А. И. // Талыллыбыт айымнылар. Мангайгы том. Кэпсэннэр. – Якутскай : Кинигэ издательствота, 1961; Габышев Н. О якутском рассказе // Якутские рассказы. – Якутск : Книжное издательство, 1962; Romanenko D. Yakutskie rasskazy // Dal'nij Vostok. – 1966. – № 1.
- Федоров, Е. В. Творчество Афанасия Федорова / Е. В. Федоров. – Якутск : Книжное издательство, 1973. – 115 с.
- Гольдеров, В. Ф. Умнуллубат онус кылаас / В. Ф. Гольдеров. – Дьюкуускай : Бичик, 2002. – 224 с.
- Федоров, А. И. Талыллыбыт айымнылар : 2 томнаах / А. И. Федоров. – Дьюкуускай : Кинигэ издательствота, 1961-1962.
- Амма Аччыгыйа. Киши уонна айымны / Амма Аччыгыйа. – Якутскай : Кинигэ издательствота, 1975. – 418 с.
- Боескоров, Г. К. Развитие жанров прозы в якутской советской литературе / Г. К. Боескоров. – Якутск : Книжное издательство, 1961. – 309 с.
- Фортунатов, Н. М. Особенности построения чеховской новеллы (К проблеме художественного метода А. П. Чехова) : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук / Фортунатов Николай Михайлович. – Москва, 1979.

R e f e r e n c e s

- Gabyshev, N. A. A. Fedorov / Fedorov A. I. // Talylybyt ajymn'ylar. Manganjy tom. Kepseenner. – Yakutskaj : Kinige izdate'l'stvota, 1961; Gabyshev N. O yakutskom rasskaze // Yakutskie rasskazy. – Yakutsk : Knizhnoe izdate'l'stv, 1962; Romanenko D. Yakutskie rasskazy // Dal'nij Vostok. – 1966. – № 1.
- Fedorov, E. V. Tvorchestvo Afanasiya Fedorova / E. V. Fedorov. – Yakutsk : Knizhnoe izdate'l'stv, 1973. – 115 s.

-
3. Gol'derov, V. F. Umnnullubat onus kylaas / V. F. Gol'derov. – D'okuuskaj : Bichik, 2002. – 224 s.
 4. Fedorov, A. I. Tallylybyt ajymn'ylar : 2 tomnaah / A. I. Fedorov. – D'okuuskaj : Kinige izdatel'stvota, 1961-1962.
 5. Amma Achchygyja. Kihi uonna ajymn'y / Amma Achchygyja. – YAkutskaj : Kinige izdatel'stvota, 1975. – 418 s.
 6. Boeskorov, G. K. Razvitie zhanrov prozy v yakutskoj sovetskoj literature / G. K. Boeskorov. – Yakutsk : Knizhnoe izdatel'stvo, 1961. – 309 s.
 7. Fortunatov, N. M. Osobennosti postroeniya chekhovskoj novelly (K probleme hudozhestvennogo metoda A. P. Chekhova) : avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni doktora filologicheskikh nauk / Fortunatov Nikolaj Mihajlovich. – Moskva, 1979.

БУРЦЕВ Анатолий Алексеевич – д. филол. н., профессор кафедры русской и зарубежной литературы филологического факультета Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова.

E-mail: anatoly_burtsev44

BURTSEV Anatoliy Alexeevich – Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of Russian and Foreign Literature, Faculty of Philology, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

БУРЦЕВА Марина Анатольевна – к. филол. н., доцент кафедры восточных языков и страноведения Института зарубежной филологии и регионоведения Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова.

E-mail: donnarosa36912@mail.ru

BURTSEVA Marina Anatolievna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Oriental Languages and Area Studies, Institute of Foreign Philology and Regional Studies, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University.